

ДОКУМЕНТЫ

генерального совета

№№ 369

год LXXX

октябрь - декабрь 1999

1. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО НАСТОЯТЕЛЯ

Дон Хуан Векки

“ПРИМИРИЛ НАС С СОБОЮ И ДАЛ НАМ СЛУЖЕНИЕ ПРИМИРЕНИЯ”

1. Благодать и милость облачают нашу жизнь
2. Любовь приводит к суду.
3. Покаяние и новая жизнь в Духе
4. Таинство примирения
Заключение

2. НАПРАВЛЕНИЯ И ДИРЕКТИВЫ

Дон Джузеппе Николусси

САЛЕЗИАНСКИЕ ТОРЖЕСТВА ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА 2000

ПРИМИРИЛ НАС С СОБОЮ И ДАЛ НАМ СЛУЖЕНИЕ ПРИМИРЕНИЯ¹

1. **Благодать и милость облачают нашу жизнь.** – “Через посредство Христа”. – Бескорыстная любовь и салезианская действительность. 2. **Любовь приводит к суду.** – Милосердный и праведный Бог. – Чувство греха. – Воспитание совести. – Суд и жизнь салезианцев. 3. **Покаяние и новая жизнь в Духе.** – Возвращение к Богу. – Спасение у истоков зла. – Салезианские аспекты. 4. **Таинство примирения.** – Путь переоценки. – Таинство и салезианская духовность. – Примирившиеся и служители примирения. **Заключение:** переступить порог.

Рим, 15 августа 1999

Торжество Успения Блаженной Девы Марии

2000 год вырисовывается не только, как конец календарного периода, хотя и не совсем обычный, а и как закат культуры, последствия которого для отдельных людей и всего человеческого рода трудно предугадать. Это событие побуждает нас вновь взглянуть и подвергнуть переоценке пережитое в заканчивающемся веке; это возбуждает новые надежды, и нам кажется, что они вполне в рамках человеческих усилий и даже более того.

От нас это событие требует переосмыслить нашу роль учеников Христовых в происходящих сложных преобразованиях, где, тем не менее, заметен определенный смысл и определенное направление. Мы чувствуем свою солидарность с этой эволюцией; мы ощущаем себя не только, как критиков, но сознаем, что мы ответственны за происшедшее и за то, что еще произойдет.

В связи с этим мы намерены продумать и коллективно выполнить то главное, что неоднократно повторял Святой Отец в булле: “Юбилейный год по самой своей природе призывает нас к покаянию...”²². “Конец двухтысячелетнего периода центральной тайны христианской веры следует переживать, как путь примирения и как знак истинной надежды для всех, кто смотрит на Христа и Его Церковь”²³.

Нам также представляется исключительная возможность пережить опыт примирения, исходя из нашего положения посвященных салезианцев, и пересмотреть не только его богословский, но и человеческий, и воспитательный аспект. Сегодня необходимо попытаться увидеть, что спасение, совершенное Богом во Христе, крайне важно для человека, переживающего опыт разделения и страдания, конфликта и вины. Христианское откровение должно научить человека тому, как следует хорошо жить в мире с человеческой и божеской стороны.

Следовательно, мы должны вновь пересмотреть и связать различные аспекты примирения, разделяя их в зависимости от ситуаций: возвращение к Богу и сближение с Братьями, внутреннее единство и перестройку социальных отношений, гармоничность собственной личности и борьбу за справедливость, духовную радость и построение мира во всем мире, истину и любовь, разоблачение тайного зла и “обновление” в Духе, дар таинства и стиль жизни и действия.

1. БЛАГОДАТЬ И МИЛОСТЬ ОБЛЕКАЮТ НАШУ ЖИЗНЬ

Можно составить список личных и общественных трагедий, возникающих в результате греха, подчеркивая крайнюю необходимость примирения. Мир ощущает эту необходимость, но не может осуществить примирение. Этому вопросу посвящены некоторые церковные документы, и вы сами прошли этот путь с молодежью.

Однако, заканчивая тот путь, который привел нас к 2000 году, я бы предпочел прежде всего вернуться к источнику, благодаря которому примирение становится возможным и реальным. Он – в Троице, в Боге Отце, Сыне и Духе Святом, Который есть всецелая любовь, дарующая Себя: Он безусловно отдает Себя и принимает другого. Это дает возможность считать примирение существовавшим изначально, что не определяется нашей виной и что от нее не зависит: эта реальность исходит от Бога и простирается на весь наш человеческий опыт.

Правда, что “примирение” тотчас же напоминает о некоем “разделении”, о предыдущей вине или отделении; но еще более истинно то, что изначальная возможность всякого прощения – в том, что Бог Сам по Себе есть Любовь, Бескорыстие, Милосердие, глубочайшая Нежность, Человеколюбие, Жертвенность или как нам будет угодно определить Его сущность.

Троичная форма Бога, которая есть единение, придает безусловно положительный смысл “примирению”. Другой, будь то человек или предмет, имеет для Него ценность в соответствии со своей настоящей формой бытия. “Милосердие” представляет собою решительное “позволение быть”, исходя из которого все сущее благословляют при его появлении на свет, с уважением относятся к его существованию и ожидают его полного совершения.

Если в Боге существуют несколько личностей, источником которых является любовь, и которые живут в любви, то Бог может принять на Себя бремя любого существа, даже грешного человека, и создать такие условия, чтобы творение направилось к реальному участию в своей собственной жизни.

Таким образом, греху не удастся нарушить единство замысла Божьего и ослабить отцовскую ответственность, которую принял на Себя Бог, даруя миру иные свободы. Бог с самого начала показывает, что Он способен принять на Себя ответственность за возможный отказ Его творения. Именно поэтому в Писании упоминается образ “закланного Агнца” с самого сотворения мира⁴: то есть, безусловная любовь Отца, жертвующего Своим Сыном, предусмотрела и приняла риск свободы.

Короче говоря, сотворение изначально предназначено к Завету, а наша жизнь – к единению с Богом; это изначальное намерение, основная цель. Примирение – вот причина, по которой Бог не раскаивается в Своем сотворении, но во всех ситуациях внутренне переделывает его, с тем, чтобы вновь привлечь его к Себе.

Благодаря этой мысли, истинная любовь и бескорыстие имеют истинно прочные основания: даровать – не есть потерять, а быть полнее; простить и быть прощенным – это не значит вновь защитить или заштопать, а воссоздать и быть воссозданными в Духе благодаря “страстям”, через которые Бог причастил нас Своей жизни и участвует в нашей жизни.

Первая попытка нашего личного размышления и евангельской вести – понять Откровение Божье, как оно проявляется во Христе, Который один может представить полноту Божью и Его универсальное желание спасения⁵.

Каждый воспитатель веры должен говорить так, чтобы избегать упрощений или двусмысленностей, чтобы его язык пронизывал Евангельский свет, сохраняя некоторые напряжения, но без того, чтобы преувеличивать или недооценивать их, чтобы все могли встретиться с ободряющим Богом, Который может совершить всякое примирение, Который после всех наших попыток, когда мы признаем наше ничтожество, может “утешать находящихся во всякой скорби”⁶, совершить всякое благо, которому мы привержены⁷, и, наконец, может “отереть всякую слезу”⁸.

“Через посредство Христа”⁹

Это отношение Бога к человеку открывается в жизни Иисуса, воспроизводящего его в Своих поступках и просвещающего его Своими словами. Он примиряет в Себе человеческое с божественным: принимает человека и исполняет его Богом; всех нас превращает в “одно творение”, разрушает стоящую посреди преграду¹⁰ и собирает человечество, которое движется к окончательному свершению в истории с различными перипетиями. Он делает возможным нового человека и новое человечество, предлагая эту возможность Своими наставлениями и дает ей начало в Духе Своей смертью и Воскресением.

Поэтому Он возвещает милосердие, просит покаяния, творит примирение и вручает его Своей Церкви, как дар и миссию: “Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения”¹¹.

В Евангелии имеется немало сцен примирения и прощения; внимательно читая их, можно извлечь из них бесконечное множество сокровищ. Нас, особенно любящих созерцать Иисуса – Доброго Пастыря, такие сцены глубоко поражают, и мы с удовольствием останавливаемся, чтобы отметить их характерные черты.

В евангельских рассказах примирение всегда выступает, как инициатива Иисуса: не человек, будь то мужчина или женщина, первым просит или желает прощения, а Иисус предлагает его. Человек самое большое чувствует, что его угнетает чувство вины или общественного осуждения. Зачастую же им движет забота о своем здоровье, любопытство либо какой-либо внезапно возникший вопрос.

Именно Иисус обращается к Левии¹²; Иисус смотрит на Закхея и приходит к нему в дом¹³. Это Иисус выступает в защиту грешницы¹⁴ и блудницы¹⁵. Иисус дарует прощение парализованному, которого спускают через крышу, чтобы Он исцелил его¹⁶. И опять же – Иисус смотрит на Петра, уже забывшего о своей неверности¹⁷.

Путь примирения – и это вторая постоянная – начинается не с признания вины, а с того, что мы чувствуем себя признанными “личностями”, в новых, неожиданных, бескорыстно дарованных отношениях, что освещает жизнь и в то же время, позволяет видеть все ее неровности и возможности. У истоков желания примирения всегда находится влияние слова или личности, которая уничтожает нашу апатию и призывает нас к действию.

Все это означает, что нужно выйти за рамки того стиля мышления, когда все внимание фиксируется на нарушениях или на неисполнении каких-либо намерений, как основном элементе, который движет примирением. Необходимо наладить настоящие отношения с Богом: если Он имеет для нас значение, если мы чувствуем, что Он присутствует и действует в нашей жизни, если мы ждем от Него многого и очень хотели бы не терять Его.

Самое важное для нас и нашей пастырской деятельности – признать, радоваться и возвещать милосердие Божье, и сосредоточить внимание на Нем, Отце Иисуса и нашем Отце. Милосердие Божье перестраивает историю, поскольку в противном случае она расстраивается, и постоянно восстанавливает завет, который мы нарушаем по нашей слабости или забывчивости. Поэтому опыт примирения в Евангелии есть всегда опыт преизобилующей благодати, за пределами разумного, радости и полноты. Того, кто возвращается, приветствуют радостным праздником, а благонамеренные люди возмущаются этому. На них льют благоухания, и любящие экономить недовольны этим. Ради них устраивают пир, но серьезные люди жалуются на это. Им отпускают вину, и в глазах людских это не оправдано, отпускают без всякой гарантии, и в бесконечной любви понимают человеческую слабость, хотя порою это понимание граничит с наивностью.

Контекст примирения – это всегда хвала и действие благодати. Это становится ясно, когда поют псалмы: “Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его”¹⁸. “Благослови, душа моя, Господа... Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои”¹⁹.

Симфония мотивов, звучащих в примирении, как события отношений и жизни, а не как религиозном долге, сообщает, что именно происходит в человеке, когда он обнаруживает, что он представляет собою ценность для Бога и что Бог любит его.

Бескорыстная любовь и салезианская жизнь.

Человечество Христа – вот в чем заключалась и заключается и сейчас основное посредничество и орудие примирения. Именно благодаря нему преодолены все преграды и расстояния между Богом и людьми. Через нее общение Бога с нами вышло на самый высший уровень.

Это утверждение имеет весьма конкретные последствия в нашей жизни и пастырской практике. Вряд ли возможно желать примирения, если нет человеческого опыта принятия всех. Жизнь пастыря по примеру Доброго Пастыря предполагает, что мы умеем с благодарностью принимать даруемую нам любовь и проявлять к людям благодарность, уважение и внимание. Этот путь приводит к тому, что мы пересматриваем нашу жизнь и желаем изменить ее.

Именно это и показывает нам, что самые яркие аспекты нашей харизмы являются “примирением”. “Упредительная” характеристика нашей педагогики – это непосредственное отражение милосердного сердца Божьего²⁰, а значит, в ней действительно отражается то, как человек может воплотить примирение, которым является Бог и которое Он дарует: ибо в христианском откровении утверждается, что Бог упреждает не только, как Создатель, но и как Искупитель, ибо только по Его инициативе человек может поистине желать тех даров, которые являются ее следствием.

“Благодарность Отцу за дар божественного призвания всех людей”²¹, о чем говорится в нашем Уставе, выражается в том волнении, с которым мы подходим к каждому молодому человеку, сколь бы он ни был беден, поскольку мы убеждены, что он горячо желает большего достоинства, жаждет “рая”, который не был бы столь затерян, чтобы Бог не мог вновь даровать его.

В характеризующей наши отношения *доброжелательности* четко проявляются замысел и желание Бога даже относительно трудного подростка, и именно в отношении него, утратившего всякую возможность радостного общения с людьми и жизнью.

Оптимизм – это признание неопровержимого божественного намерения счастья, которое всегда присутствует в самой малой капле добра, которое, возможно, уже почти незаметно: и все же его можно и нужно пробудить, просто проявляя человеческие отношения симпатии, в которой конкретизируются и вместе возрастают божественное и человеческое: воплощение той “благодати и человеколюбия Спасителя нашего”²², благодаря которым встретить Господа было равнозначно тому, чтобы увидеть самого Бога.

Конкретность, предприимчивость и мирской характер нашего пастырского стиля представляют собою самую радикальную убежденность в том, что отцовство Божье и Его Владычество проявляются и становятся достоверными в знаках освобождения от зла и даровании достойной жизни для всех. Где бы ни проявлялась забота о малых сих, там благословен Бог. Вследствие этого, ясное осуществление нашей миссии евангелизации, развития, воспитания превратится в примирение даже в том случае, когда, по самым различным причинам, его не требуют, не желают, не думают о нем, как таковом: примирение, как упреждающая благодать, которая была дарована, “когда мы были еще грешниками”²³.

Царство уже присутствует в понимании потребностей подростка, от слов “умеешь ли ты свистеть” до катехизиса, последовательно, без фальши, без противостояния и без ревности.

Подобное же рассуждение можно провести по поводу жизни наших общин; надеюсь, что вы его проведете. Тот факт, что в наших отношениях все проходит в основном через логику сердца, семейный дух любви, уважения и взаимного доверия, отражает Бога и является проявлением человеческой мудрости²⁴.

Примирение действительно выражается больше в смирении и в том, что мы отважно делаем первый шаг, а не ждем, чтобы его сделал другой, готовясь в это время к обороне. Верно и то, что пути примирения проходят в рамках отношений, когда наш партнер чувствует, что его не столько осуждают, сколько любят.

Углублять семейный дух с учетом путей примирения должно означать конкретное понимание нами того, что означает для нас братское общение и молчание, инициатива и терпение, прямота и братские исправления, кроме их формальных значений. Еще точнее, наблюдая множество

ситуаций, имеющих в общинах, мы задаемся вопросом: как следует подражать упреждающей любви Божьей и доброте Доброго Пастыря, чтобы ободрить расстроенного, разочарованного, раненного жизнью собрата, обиженного из-за множества пережитых огорчений? Каким образом можно вернуть жизнь тому, кто столь “обижен”, что более не ощущает в себе возможностей возрождения?

2. ЛЮБОВЬ ПРИВОДИТ К СУДУ

Безусловное бескорыстие Божье, тот факт, что “Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы” дает возможность истолковывать доброту Божью, считая, что “он не обращает внимания”, считая, что Его прощение означает, что “Он попросту не придает значения”, что Он отпускает вину, а не уничтожает зло; понимать, что милосердие не есть то же, что справедливость, и считать, что оправдание исключает какое бы то ни было суждение наших наклонностей, поведения и действий.

Эта точка зрения постепенно пересматривается; но следует сразу же прояснить, что если милосердие даруется раньше совершения какой-либо вины, если оно бескорыстно, совершенно и всецело, то именно это *и есть причина, почему зло столь радикально неприемлемо.*

Зло, особенно в своей крайней форме, то-есть, грех, никоим образом невозможно включить в контекст любви и дара, который появляется благодаря нашей жизни, и который мы обнаруживаем, размышляя о Боге. Зло всегда оказывается разрушительным. Мы тем яснее поймем его коварство, чем более радикальный опыт добра мы переживем.

Поэтому примирение, тот факт, что мы любимы безусловно, *не снимает суждения наших намерений, а напротив, основывается на нем.* Бескорыстная любовь Божья, упреждающая и вместе с тем, милосердная, не устраняет, не облегчает и не противоречит моральным требованиям человеческих действий: именно на ней основывается их совершенная прочность, именно благодаря ей человек становится ясным и реализуется. Она не зачеркивает имеющиеся у человека противоречия, а учит нас открывать их, управлять ими и преодолевать их.

Дар и знание жизни Божьей, поскольку с Иисусом мы стали людьми, должны войти неотъемлемой частью в человеческую жизнь. Наше желание примирения и мольбу Бога о милосердии не следует истолковывать, ограничивая этическое субъективным, как если бы мы не умели отличать добро от зла, или же соответственно с тем широко распространенным “всепрощением”, благодаря которому мы не можем определить какое бы то ни было благо, не признавая просто бытие, свободу и возможности другого человека.

Бескорыстие Божье – это не забвение и не отсрочка справедливого воздаяния, или же просто панибратство (отсутствие суда): ибо для Него “нет доброты без справедливости”!

Милосердный и праведный Бог

В наше время конца тысячелетия, когда образ Божий зачастую субъективно искажается, этот аспект также следует рассмотреть в свете Слова Божия. Когда Бог говорит с человеком, он обращается к конкретному человеку; Он никогда не говорит абстрактно. Откровение немедленно становится педагогикой: оно освещает действительность, предлагает истинную жизнь, предлагает длительное терпение, полное любви понимание Богом черствости нашего сердца.

Поэтому в Писании столь же часто говорится о *любви* Божьей, сколь и о Его *гневе*; поэтому Ягве – это Бог *любящий и ревнивый*; Его называют *обильным благодатью*, но также и *медлительным в гневе*. Поэтому Иисус рассказывает светлые притчи о Царстве, и рассказывает и другие притчи, о тех, кого не принимают в Царство, и эти притчи носят отчетливо мрачный характер. Поэтому Иисус есть совершенная *новизна*, и вместе с тем, *совершенство*, а стало быть, *преодоление Ветхого Закона* и *Заповедь Любви*. Поэтому существуют Ветхий и Новый Завет, а в Новом Завете существует определенная напряженность между допасхальным и послепасхальным; поэтому Воскресение есть исход Страстей.

Чтобы понять пути примирения, нужно будет *разделить диалектические пути, а не уничтожить их.* В наших размышлениях и религиозном языке следует достойно говорить о Боге и вместе с тем, конкретно обращаться к человеку, возвещать, сколь безусловно *принимает* нас Бог и выявлять ситуации, когда человек *отвергает* Его, показывать *надежность* Бога и обличать *неверие* человека.

Слишком “оптимистичное” возвещение или катехизация (то-есть, когда ответственность человека сводится к минимуму) может быть столь же вредной, сколь и противоположный пессимистичный вариант. Следует всегда сочетать *предложение прощения с необходимостью*

раскаяния, независимо от того, предшествует ли это раскаяние проступку или следует за ним, признано ли оно или самостоятельно или вызвано другим человеком.

Здесь требуется внимательно контролировать мысли и слова. Божья любовь и Божий гнев существуют не в одном плане, так же, как не в одном плане существуют спасение и суд, возможность развязывать и связывать, отпускать и оставлять, обличать и прощать, ласкать и наказывать. Зрелые личные размышления и благая весть должны способствовать установлению пределов этих полярностей, исходя из критериев *совместного присутствия и асимметрии*. Они должны показать, что гнев – это один из аспектов любви, что связывают для того, чтобы затем развязать, и что “нет” – это функция “да”. И таким образом станет ясно, что отсюда вытекают любая удача или неудача и в сфере воспитания, и вообще на небе и на земле.

Христианское учение весьма многое объясняет относительно соотношения спасения и суда, совместного присутствия и асимметрии обоих пределов: оно не очерняет образ Божий, представляя Его “объективным и далеким судьей”, но и не снимает ответственности с человека.

Ядро любого христианского утверждения – в Пасхе Господней, где нашим Судией является Спаситель! Поэтому христиане утверждают, что существуют и Рай, и Ад. Тем не менее, благодаря авторитетному утверждению Церкви, они знают, что в Раю живут многие братья и сестры; но у них не существует столь же твердой уверенности по поводу того, находится ли кто-либо в Аду. Никто не уходит из этого мира с клеймом явного проклятия.

Утверждаются как всеобщее желание спасения, так и возможность конечного отвержения, но как асимметричные: первое – это самая неизменная возможная действительность, второе же – возможность, которая не угодна Богу; первое – положительный дар Божий, второе – возможный исход, к которому Он прибегает поневоле.

Чувство греха

Сказанное совершенно очевидно имеет влияние на нашу жизнь. Нет ничего более властного, чем любовь! Самый тяжкий грех по совести и фактически – оскорбить истинную великую любовь. И все другое в том же духе: причинить зло доброму человеку, принести страдания невинному, извратить истину, отнестись с презрением к беззащитному и прекрасному: все это влечет за собою сильнейшее ощущение вины. “В Раю и в Аду горит одинаковый огонь: огонь Божьей любви” (Урс фон Балтазар), только в первом случае эту любовь принимают, а в последнем – отвергают.

Говорить о любви Божьей необходимо, но недостаточно. Если мы хотим говорить серьезно о примирении, нужно понять противоречия зла и человеческой вины. Если любовь есть крайний предел Божественной и человеческой жизни, какими будут последствия, если человек живет, отвергая или пренебрегая этой любовью, и как можно высвободиться из такой ситуации?

Но мы знаем, что любовь постоянно отвергается, и что такая ситуация грозит всем. В сердце и в жизни людей возникают многочисленные разделения. Можно написать целый список разделений больших, средних и малых, которые имеются в историческом контексте или в наших общинах.

В недавних документах Церкви указаны крупные последствия зла: надругательство над человеческим достоинством, дискриминация по расовым, социальным, религиозным признакам, произвол политической и экономической власти, насилие и военные агрессии, эксплуатация бедняков, несправедливое разделение богатства, коррупция в управлении общественным имуществом. В сознании людей утвердилось разделение, противостояние и даже ненависть после исторических событий, которые казались немыслимыми, но, тем не менее, имели место.

Поскольку нам ближе воспитательная сфера, я ограничусь обзором молодежного мира, и лишь мимоходом коснусь самых заметных и часто комментируемых фактов, например, крайних форм бегства, неразрешенных общественных конфликтов или распущенности, поскольку ее разрушительная сила видна невооруженным глазом.

Я буду говорить в основном о внутренних разделениях, ибо, по наставлению Иисуса, они лежат в основе других, более заметных. В молодежном мире можно заметить множество ситуаций, где возможности пересекаются с недостатком чего-либо. Нынешнее поколение молодежи разрывается между различного рода побуждениями, зачастую противоречащими друг другу и непримиримыми: так, сегодняшняя молодежь склонна к индивидуализму и солидарности, потребительству и духовности, рационализму и несерьезности. Они разделены между чувствами и внешним, эмоциями и ответственностью, эстетикой и этикой; и при более близком подходе оказывается, что их волнует тематика мира, и гораздо меньше – справедливость Их затопила информация, и в то же время, они мало рассуждают; у них чрезвычайно обострено чувство свободы, и в то же время, они становятся все менее способными принять решение. Молодежь

зажигается, говоря о ценностях, но отрицательно реагирует, когда ей напоминают о её непомерных требованиях; она кажется открытой и свободной в отношениях, но вместе с тем, быстро вступает в конфликты; она признает важность тела, но считает, что с ним позволительно проделывать всевозможные эксперименты, не думая о моральной ответственности. Молодежь охотно признает существование Бога, но не выносит того, что у Него есть лицо: ей нужно, чтобы Бог этот был её личным, карманным Богом. Говоря более строго, она все еще переживает остаточные явления разрыва между свободой и законом, интуицией и бюрократией, телом и душой, личностной сущностью и принадлежностью к культуре.

Можно описать приблизительно таким же образом происходящее с нами, как отдельными посвященными и как общиной. Противоречия, разделения между выражаемым и пережитым, неувязки между тем, что требуют и тем, что получают, происходят очень часто. Если пренебрегают бдительностью при оценке, разве тем самым мы не затмеваем самый опыт Божьей любви, столь ясно выраженный и исповеданный?

Вот почему *забота при объединении и различии между приемом и ответственностью, даром и долгом* является важнейшим культурным и пастырским указанием: примирение в этом смысле означает вначале разработать, а затем дать молодежи *мудрость, которая могла бы объединить полярности, из которых состоит жизнь, и исцелить негативные напряжения, которые разделяют душу.*

Полагаю, что не нужно долго объяснять, каким образом это соотносится с “чувством греха”, поскольку сегодня не без основания жалуются на уменьшение, а в ряде случаев – на исчезновение этого чувства. “Восстановить правильное чувство греха – первый способ попытаться справиться с тяжелым духовным кризисом, который поразил человека нашего времени”²⁶.

Зрелость суждения, к которой приводит любовь, заключается именно в умении ощутить возможности, предлагаемые жизнью, и соответствующие опасности, которые в ней существуют. Понять только один из этих аспектов – значит, исказить положение дел и проявить инфантилизм. У каждого блага есть своя противоположность, противостоящая ему в глубине нас самих и в мире, окружающем нас: любовь и ненависть, забота и равнодушие, порядочность и нечестность... в конце концов, свет и тьма, жизнь и смерть.

Восстановить чувство греха у нас и у тех, на кого направлено наше служение, значит понять, какую связь наше поведение и наши действия имеют с любовью Божьей, и значение наших отношений с Богом для братьев и мира; а стало быть, понять разрушительный потенциал зла, когда мы допускаем его в наших действиях, которые сегодня считают “частными”, и взять на себя ответственность его влияния на нас и на историю, и малую, и большую.

Воспитание совести

Среда, в которой мы живем, приводит к тому, что, почти не отдавая себе в этом отчет, мы становимся равнодушными к нравственному злу, нивелируем наши оценки, а стало быть, снижаем чувство вины и бдительности. Вокруг нас происходит много тяжелого, но мы не обращаем на это внимания. Мы как бы привыкли к тому, что каждый может выбрать свою жизненную модель, лишь бы он не нарушал правила общежития и права других людей.

Современное суждение существующих тенденций и моделей поведения часто базируется на сиюминутных причинах: статистике, личной выгоде, трудных ситуациях. Анализ культур показал, сколь сильно зависят от них законодательные акты, которые считались непреходящими. Чувство стыда, уважение властей предержавших, определенная форма брака, выражение сексуальности приобрели относительный характер, стало считаться, что они непостоянны и не являются вечно обязательными.

Чувство Бога ослабело. В личном и общественном сознании многих людей Его образ затуманился. Поэтому стало почти невозможным полагать, что человеческие действия каким-то образом связаны с волей Божьей. Мы не желаем ссориться с соседями или обижать тех, кто нас окружает.

Изучение типов человеческого поведения относит “чувство вины” к типу личности, семейному воспитанию, социальной среде. Подчеркивают их обусловленность и необходимость как можно скорее освободиться от них, вовсе не напоминая при этом, что они могут также содержать определенную ответственность.

Произошел разрыв между “частной” и “общественной” моралью, вследствие чего многие моменты, имеющие даже общественное значение, стали относить к частным: аборт, эутаназию, развод, гомосексуальность, оплодотворение. В общественной и воспитательной сфере по всем

этим вопросам происходят дебаты; но зачастую они касаются только связанного с этим риска и говорят о мерах предосторожности; не дается серьезной моральной оценки и уж вовсе не говорится о их трансцендентном значении.

Все это влияет на молодежь, подобно ядовитому облаку. Поэтому неудивительно, что у нее появляется комплекс симптомов и влияний той культуры, в которой она живет. Её нравственное воспитание оказывается фрагментарным. Она впитывает критерии и нормы из различных источников: из семьи и школы, из журналов и телевидения, от друзей, из собственных размышлений. Зачастую выбор диктуется субъективными предпочтениями.

Таким же образом окружение действует и на взрослых, монашествующих и воспитателей, если они не поддерживают бдительность за счет внимательного чтения Слова Божьего и размышления. Чуткость может притупиться. Таким образом, как бы следуя закону маятника, мы переходим от предшествующего сурового и осуждающего мировоззрения к мировоззрению с противоположным знаком, полному “веселья” и вседозволенности; от того, что прежде во всем видели грех, к тому, что ныне его уже не замечают ни в чем и ни в ком. Раньше указывалось, какое наказание должно последовать за грехом, теперь же любовь Божью представляют таким образом, что исключается какая бы то ни было ответственность со стороны человека: в его судьбе не будет изменений, какой бы ответ он ни дал Господу. Мы перешли от привычки строго исправлять заблуждения совести к проявлению такого уважения, когда даже не берут на себя труд воспитать ее, и от заучивания наизусть десяти заповедей к тому, что уже не обучают последовательной христианской жизни.

Быть “зрелыми христианами”, “истинными воспитателями веры”, реалистически мыслящими евангелизаторами означает: признавать и не скрывать наличие зла, как в частной, так и в общественной жизни, и понимать его разрушительные качества; знать, что Христос победил всякое зло и дарует нам всяческое благо; уметь видеть зло в его зародыше и в его проявлениях, поскольку нас просвещает Слово Божье; понимать, что Своим воплощением, страстями, смертью и воскресением Иисус указывает нам путь, как мы можем победить его: верой в Бога, сопротивлением, бдительностью, интеллектуальной, моральной, духовной борьбой.

Суд и жизнь салезианцев

С точки зрения нашей харизмы, я ограничусь тем, что напомним, сколь великолепным было личное, пастырское и педагогическое равновесие Дона Боско, которое мы призваны продолжить и сделать более современным. Он использовал в воспитании словечко, которое шептал на ухо; он обращал большое внимание на окружение, проявлял любовь и точно следовал правилам. Как священник, он умел дать подросткам почувствовать свое предпочтение, а как наставник, он мог предложить, разъяснить и помочь усвоить требования жизни в общине и миссии, с мудрым вниманием оценивая ситуации и проявляя исключительную предприимчивость.

Что касается примирения, в Доне Боско заметна интуиция развивающего качества, сутью которого является добро, и острое понимание катастрофы, к которой приводит грех, вплоть до соматизации! В плане этого двойного внимания, которое мы обозначили словом совместное присутствие и асимметрия между благодатью и судом, знаменателен тот факт, что Дон Боско в своей повествовательной рукописи всегда говорит *in recto* о добре, и всегда *фигурально* выражается о зле (сны, слоны, чудовища, образы, намеки...), утверждая таким образом справедливость всякого доброго поступка и непростительность всякого злого поступка. С другой стороны, выражаясь таким образом, он дал точные педагогические намеки своим продолжателям.

Логика сердца не отменяет долг ответственности и дух семьи не отменяет служение власти. Точнее говоря, поддерживает его: с одной стороны, потому, что способствовать прямоте при исправлении и открытости к исправлению может именно семейный дух; с другой стороны, если собрат отказывается от служения власти, напряжение достигает невыносимых пределов, и зачастую становится невозможно сдержать зло индивидуализма, пораженчества и отступления.

Служение власти, как способность направления, напоминания и исправления – это жертва, но она совершается ради общего блага, она справедлива, если реально смотреть на вещи, необходима во всех ситуациях, когда выбирают или проходят пути убеждения, или когда они оказались безуспешными.

Эта мысль возникает, когда мне приходят на ум напряжения, переживаемые в наших общинах, по причинам совместимости возрастов или трудностей при сотрудничестве: иногда кажется, что видишь безвольное послушание, которому не соответствует любовная признательность, и откровенное непослушание, которое не сопровождается эффективными мерами исправления. Другими словами, зачастую справедливость не умеют сочетать с добротой.

Следует заметить, что четкое понимание своей позиции призвания и положения в общине и правильное исполнение своих функций являются обязательным условием для лучшей духовной оценки, и тем самым, для выбора более справедливых и лучших путей примирения.

3. ПОКАЯНИЕ И НОВАЯ ЖИЗНЬ В ДУХЕ

Здесь мы объединим два предыдущих пункта, предваряя и в этот раз то, что мы хотим предложить. *Примирение включает распознавание* по двум направлениям: “воспоминание о прошлом”, чтобы обнаружить в нем следы Божьей любви и того блага, которое она даровала нам и чтобы отвергнуть все, что с нашей стороны было неверием, неблагодарностью, жестокостью, страхом насилием; и “мысли о будущем”, когда мы отдаем себя обновляющей силе Духа, признание и согласие с этой растущей любовью, общением и прощением, которого от нас требует жизнь, как бы призывом к нашей свободе, как бы ответственностью за то, что нас упредила, объяла, сопровождала и ожидает Божья любовь.

Говоря о “распознании”, я думаю не только о чем-то “интеллектуальном”, а о “сердце” в библейском смысле, то-есть, о средоточии души в тот момент, когда человек решается и утверждается в добре по отношению к себе и братьям, и в конечном итоге, по отношению к Богу.

Слово “примирение” имеет только положительный смысл, но предполагает, что преодолено нечто отрицательное. Человек всегда разрушает заповеди любви, поэтому человеческую любовь всегда сопровождает примирение. Христиане – не пессимисты и не оптимисты в отношении человека: они попросту смотрят на недавнюю и долгую историю, поскольку в ней открыл Себя Бог. Следовательно, они считают человека изначально добрым, но доброту его считают ограниченной и утраченной; они думают также о первородном грехе, который постоянно обновляет личный грех, несмотря на то, что пролилась кровь Христова.

Такое понимание дает значительные преимущества, ибо существует огромная разница между человеком, живущим в мире и считающим, что все вокруг него добры и все должно идти хорошо: и тогда жизнь – это сплошные разочарования; и тем, кто живет в мире, зная, что все идет, как может, но при этом он пытается насколько возможно осуществить чудо любви: в этом случае жизнь предлагает множество радостных неожиданностей.

Поэтому мы не без основания настаиваем на воспитании любви. Однако воспитывать любовь – это значит научить пользоваться прощением, восстановлением, сближением и примирением, то-есть, теми аспектами, в которых возможно конкретно выразить любовь.

Точно так же воспитывать веру у других и у себя значит не столько приобретать или передавать знание того, что Бог есть Отец, сколько возвращаться к Нему. Акт веры – в том, чтобы преодолеть неверие, какую бы теоретическую или экзистенциальную форму оно ни приняло. Здесь уже следует преодолеть некое расстояние, чтобы принять пришествие Божье. Не случайно Иисус обозначил готовность принять благую весть несколько необычным образом: “Исполнилось время и приблизилось Царство Божие; *покайтесь и веруйте* в Евангелие”²⁷. Покаяние открывает врата веры.

Возвещать о любящем отцовстве Божьем можно, только предлагая вернуться. Это может показаться трудным; но на самом деле, это ободряет и прежде всего, в этом заключается истинно евангельский стиль, поскольку это значит, что никого никогда не исключают из предложения божественного отцовства: Бог ожидает всех, и все еще могут придти к Нему, чтобы почерпнуть из этого безмерной глубины источника, и радоваться.

Возвращение к Богу.

Чрезвычайные обстоятельства Юбилея в связи с началом нового тысячелетия дают нам возможность глубоко рассмотреть эти явления, а не оставаться на поверхности. В продолжении отрывка, служащего заглавием этого письма, апостол Павел умоляет: “Примиритесь с Богом”²⁸.

Мы задаем себе вопрос: почему человек не может обрести примирение лично, почему это прежде всего – дело Божье? Почему задача человека – верить, то-есть, принять предложенное прощение, ответить на инициативу Божью? Что мы сделали, что мы погубили, что наше общение с Богом и между нами, людьми, стало столь трудным, более того – невозможным, если мы рассчитываем лишь на наши силы? По какой причине история спасения - это желание Бога установить завет с человеком, следовательно, получить взаимность в любви, и оно всегда возобновляется благодаря односторонней упорной Божьей любви? Еще конкретнее: почему новый и вечный завет скреплен Иисусом в одиночестве на кресте? Что происходит в динамизме

человеческой свободы после греха? И почему все время возникает грех, то-есть, подозрение, отторжение, гордость, самодостаточность, неверие, даже за счет Бога?

Первый элемент ответа – в следующем: то головокружение, которое заставляет нас броситься в пучину зла, есть желание нашего блага! *Примирение – дело деликатное, поскольку всякое разделение возникает при определенном понимании и ожидании добра.* Не случайно Иисус научил нас молиться, вложив в наши уста просьбу: “не введи нас во искушение”²⁹, то-есть, не делай так, чтобы восхищение самими Твоими дарами заставило нас забыть всякую связь с Тобой, Уделяющим эти дары.

Эта пучина указана в Писании в искушении соблазнителя: “Вы будете, как боги”³⁰: это очень тонкое искушение, поскольку оно наслаивается на намерение Божье сотворить нас, как Своих детей, чтобы мы жили в мире, как истинно свободные существа. Ведь если человек желает в каком-то смысле “всего”, то это желание внушил ему Бог. Однако одно дело истолковывать это, как “иметь все”, а не как “получить все”, и совсем другое – считать, что свобода есть чистого вида независимость, а не дар: в первом случае возникает освобождение, во втором – благодарность; в первом случае жизнь есть одиночество, во втором – благодарность. Дерево познания добра и зла как раз и подчеркивает это желание иметь, не получая, это бытие без принадлежности, эту оценку без связей.

Второй элемент ответа на вопрос о том, почему человеку трудно примириться: запрет есть плод с древа, по мысли Божьей, *указывает на различие между Создателем и Его творением.* Это положительное указание, поскольку оно гарантирует и сохраняет первоначальную суть творения. Творение призвано установить некие отношения, завязать диалог с Кем-то, Кто столь сильно желает его, что созидает его. Однако змея указывает, что при этом снимается некая определенная часть свободы и счастья, и это может замутить все “блага”, которыми владеет человек. Так возникают подозрение, неверие, недоверие, к Богу, и образ Его затемняется.

Всякая религия, в том числе, и христианство, должна непрерывно бороться с этим. Однако, если всякую религию объективно отмечает эта реальность, христианство исключается из этого числа. Иисус – это человек, в котором нет неверия, это Сын, то-есть, самая суть свободы и принадлежности. Это указывается уже в третьей главе Бытия, где предвещается будущая победа, которую принесет семя женщины³¹. Ее по праву называют “Протоевангелием”, поскольку в ней предвещается суть спасения, “то, что нам следует делать”, чтобы спастись: иметь веру, воспроизвести в меру наших человеческих сил доверие к Богу и в меру человеческих отношений веры самое “веру Иисуса”³².

Притча о милосердном отце описывает две возможности примирения, исходящие из двух макро-патологий веры: неблагодарной самодостаточности и обиженной самодостаточности, бегство и рабство, отдаление и сердечную черствость: и в обоих случаях, неправильно понятое отцовство. Можно ли сказать, что к нам это не относится?

Младший сын хочет получить свою долю наследства; старший сын честно трудится в отцовском доме. Но почему младший считает, что пребывание в отчем доме лишает его счастья, а старший – что оно лишает его свободы? Почему младший не подумал, что наследство было в надежном месте в отчем доме и в отчем сердце; почему старший не подумал, что он всегда мог взять себе козленка, когда хотел (ибо “все мое твое”³³)? Сколько будет стоить, сколь легко или сколь трудно примирение для недоверчивого и для обиженного сердца? Иисус указывает, что это так нелегко, что Отец вновь должен проявить свою инициативу, свою упреждающую любовь: к меньшому Он “побежав, пал на шею и целовал его”³⁴; что же касается старшего, “отец же его, выйдя, звал его”³⁵.

Но именно таким образом Иисус показывает, что все также очень просто: если инициатива исходит от Отца, наша задача – только “примириться” получить прощение Божье!

Так что мы во всяком случае навсегда предупреждены относительно двойственного драматического аспекта, с которым нам придется сталкиваться раз за разом: неспособностью младшего сына осуществить самостоятельно переход от угрызения совести к покаянию, и неуверенное поведение старшего сына, которое происходит за рамками рассказа, и приведет к осуждению Иисуса на смерть.

Спасение у истоков зла

Динамика, включающая какое бы то ни было разделение в жизнь людей, не отличается от описанной в 3 главе Бытия и в 15 главе Луки. Неверие и вытекающие из него плохие отношения, убеждение, что счастье следует завоевывать, а не получать, что лучше стараться справиться с

проблемами самому, чем довериться Богу, что причины любви вовсе не столь чистосердечны, как это казалось, - все это последствия зла, которые отравляют наши сердца и наши отношения.

В какой-то момент каждый ребенок, получив все, приобретает отрицательный опыт, услышав отказ. Эти отказы для них есть кризис приспособляемости: для родителей – это вариант согласия, только такой, какой нужен здесь и сейчас. Точнее говоря, для родителей это своего рода риск, а для детей – драматический момент. Одно дело – когда фигура отца предстает, как двусмысленная и недостойная доверия, а другое – когда она утверждает, как светлая и достойная доверия. Одно дело – сказать, он поступает так ради моего же блага”, и совсем другое – сказать: “он отнимает у меня толику счастья”.

Так же точно все дети мучительно открывают, что они не являются исключительным, единственным центром внимания и любви. Но почему это открытие переживают под знаком ревности и неловкости, а не радости? Почему тотчас же оказывается трудным быть великодушными и сердечным? Почему психологи отмечают, что жертвенность, если она и проявляется почти что незаметно в очень раннем возрасте, на самом деле, скорее является целью?

Ясно, что все это уже входит в задачу примирения: нужно научиться жить в мире по логике любви, а не эгоизма, делясь с другими дарами, а не приобретая их лишь в собственное пользование. Однако ребенок, подросток, юноша должен получить немалый опыт и принять множество духовных решений для того, чтобы убедиться, что любовь умножается, а не разделяется, что можно отдать любовь ближнему, не теряя при этом самому; что в любви не может быть места страху, ибо в истинной любви никто не бывает слишком бедным или слишком богатым!

Если существует такое искушение, радикальное доказательство нашей жизни, то оно усиливается и вследствие наличия очевидных и самых распространенных форм зла становится трудным преодолеть его. Ибо существуют родители, на которых объективно невозможно положиться; существуют разрушенные семьи; существует предательство друзей; некоторые отношения завязываются только ради выгоды; кое-какие ошибки совершаются вполне искренне. Случается, что мы неправильно понимаем или совсем не понимаем друг друга; многое в нашем мире действительно пугает нас; мы знаем поговорку “доверять хорошо, а не доверять еще лучше”; существуют дурные чувства и дурные слова; есть ненависть и месть; кто-то захватывает себе имущество и эксплуатирует бедняков; существуют и убийства, и геноцид.

Примирение, которое здесь рассматривается в широком смысле слова, оказывается трудным, поскольку человек не может желать вернуться в материнское лоно, нельзя скрыться в некую тихую обитель: его необходимо сочетать с задачами справедливости, отстаивать справедливые требования, обличать зло, защищать бедных и невинных, нейтрализовать насилие и терпеливо трудиться над построением мира и солидарности.

Салезианские аспекты

Среди возможных салезианских аспектов весьма важным мне представляется понять, в свете наших размышлений о трудной задаче примирения, глубочайшую мудрость Дона Боско “*недостаточно любить*”: выразительный *преизбыток*, который требует любовь в нашей харизме, мотивирован именно тем фактом, что раненному сердцу, например, бедного подростка или переживающего трудности собрата, нелегко вновь испытывать ту веру, с которой должен начинаться любой ответ. В этом случае воспитатель или брат своей любовью пытается победить какое бы то ни было подозрение, избрав ободряющую стратегию, которая заключается в том, что он дарует настолько бескорыстную и сильную любовь, что она преодолевает всякую сдержанность.

Удивительно то, что всякий раз, как происходит контакт приязни, как описывал Дон Боско в отношениях со своими подростками, сердца быстро теплеют. Отсюда следуют два момента: первый – это то, что примирения так ждут, что как только его искренне предлагают, а не требуют и не домогаются, то оно тотчас же происходит! Второй – то, что если воспитатель использует силу чувств в корыстных целях или ради соблазна, это может вызвать острейшее разочарование, цинизм, насилие. Нет ничего более мучительного, чем пережить предательство, поскольку опровержение веры происходит именно в том случае, когда человек, возможно, не без труда и не без внутреннего трепета, отдал свою глубокую любовь.

Мы легко можем понять, сколь большие педагогические усилия требуются сейчас от воспитателей, чтобы они могли противостоять эмоциональному потребительству, которое завлекает сердца соблазном дружбы, тепла, понимания, диалога, или просто как веселая игра,

щекочущая чувства, но на самом деле не несет никакой ответственности и ни о чем серьезно не заботится.

Что касается *общин*, нам нужно лучше видеть основные темы нашей духовности. Следует гораздо больше трудиться всей общиной над тем, что находится на полпути от общего указания плана до частного выбора какого-либо пути, то-есть, над опытом, пережитым в течение жизни, который ныне можно предложить шире.

Лучшей предпосылкой любого примирения можно назвать весть и опыт *бескорыстия*: мужество простить кого бы то ни было может возникнуть, когда человек вновь откроет, что мир основывается не на расчете, а на даровании! И всякая катехизация, школьное образование или игровое событие пытается привлечь внимание молодежи к тому, сколь многое в мире существует, как бескорыстный дар.

В связи с этим, Дон Боско говорил, что самый прекрасный цветок, расцветающий в сердце молодежи, - это благодарность. Помочь молодежи узнать то, что им даровано, испытывать благодарность, благодарить словесно и всей своей жизнью - вот самый лучший способ придать воспитанию его первоначальный динамизм.

Еще одно указание возможности примирения – *желание принять*, которое также в каком –то смысле является бескорыстным, ибо благодаря такому поведению дар не отвергают, не уничтожают в самом источнике, не уходят с обидой раньше времени: таким образом, он получает “человеческую” историю.

Желание принять выражается с упреждением и ретроспективно: человек делает первый шаг и может восстановить отношения, попросив прощения. Желание принять показывает, что любовь оставляет место собеседнику, благодаря чему наполняется содержанием понятие “недостаточно любить”, человек становится приятным, гостеприимным, заинтересованно слушает собеседника, показывает ему, насколько он важен, достоин внимания. Оно предполагает, что вы расположены без предубеждения и не намерены судить собеседника, что вы с интересом воспринимаете его точку зрения и выслушиваете его доводы, что вы допускаете существование другого, и даже то, что он может ошибиться, но при этом не чувствует замешательства или осуждения, исключая самоосуждение.

Сегодня считается важным с педагогической и духовной точек зрения выработать конкретное знание, которое бы упорядочило великую заповедь любви в конкретный бытовой кодекс, понятный всем и легко применимый. Можно привести примеры, когда примирение не происходит, и любовь исчезает, потому, что присущие нам духовная нечеткость, все наше “воспитание”, наша история греха затруднили нам четкое понимание различий между сдержанностью и скрытностью, между прямоотой и грубостью, между рвением и спешкой, между любовью к истине и догматизмом, между нежностью милосердной любви и слабостью.

Все эти примеры касаются в основном области личных отношений; но, немного поразмыслив, нетрудно нарисовать карту внимания для примирения на уровне общины, церковном и макро-социальном уровнях.

Направление наших вопросов должно быть в целом следующим: в чем люди, в частности, мои собратья, чувствуют себя счастливыми и удовлетворенными, принося жертвы? В чем они чувствуют себя обиженными? Что по мотивам справедливости, порядка учреждения, разумной организации является неизбежным? Чего можно избежать, что после его устранения, привело бы к уменьшению равнодушия, отторжения, отсутствию стимулов, конфликтности, непримиримости...? Что способствует или, напротив, что не способствует тому, что наш собеседник становится нашим противником, конкурентом, чужаком, и остается таковым?

Третье направление к примирению – *терпение*, которое понимается, как умение забыть о себе самом и интересоваться ближним, как стремление понять и простить, как упорство в совершении добрых поступков, как смиренное и общее признание того, что все мы слабы, грешны и совершаем ошибки.

Следует идти таким педагогическим путем, на котором прощение казалось бы нормальным условием, а не редким и чрезвычайным действием, воспринималось бы, как честь, а не как бремя, как преимущество, а не как утрата: благодаря всему этому, собратья и молодежь должны лучше понять сердце Божье и более сердечно относиться к ближнему.

В этом смысле любой, занимающийся руководством душами, прежде всего, собственной души, отлично знает, как трудно и вместе с тем, сколь плодотворно первое воспитание смиренной и божественной логики, умения разрубать гордые узлы обид и проявлять дальновидность, возвращая свою безусловную любовь.

Мне кажется важным, для нашей радости и с точки зрения нас, как воспитателей веры, не проповедовать того, чего мы не переживаем, активно проводить примирение во всех спонтанных формах и вместе с тем, *найти более выразительные, более правильные, более праздничные пути примирения и покаяния*. Хотелось бы привлечь ваше внимание к следующему: возможно ли, сохраняя верность нашей традиции, которая в отношении примирения опирается в основном на фигуру директора, предпочесть более общие формы примирения, менее сдержанные и более общинные, возможно, менее деликатные, и более прямые? Возможно ли более четко настроиться на ту общинную волну, которая характеризует сегодняшнюю церковную жизнь и сознание? Возможно ли разделить сакраментальное примирение от индивидуалистического понимания “успокоения своего сознания”?

В контексте духовных упражнений не раз предлагалось *выразить моменты истины и примирения* (краткие диалоги с глазу на глаз, когда собратья просили прощения друг у друга, разъясняли друг другу что-либо, благодарили друг друга, исправляли друг друга или просили, чтобы их исправили...); и всегда это встречало одобрение со стороны участвующих, в особенности, молодых. Эти моменты представляют собой удобный случай. Ведь можно жить, испытывая холодность или разочарование – это не слишком страшно – но, если вам предлагают прощение в подходящей обстановке и ситуации, то вы смиренно открываетесь, искренне проясняете случившееся, принимаете исправление и мужественно выслушиваете истину. Вы плохо думали о собеседнике, но вот, когда он сказал несколько слов, все сгладилось. Идея – в том, что, возможно, для семейного духа недостаточно доброй воли и того обстоятельства, что его предписывает нам Устав: некоторым ценностям лучше “придать форму обряда”.

То же самое можно сказать о покаянии: если община старается более мужественно показать свое покаяние, не скрываясь за занавесом различий, здоровья, старости или здравого смысла, не говоря тотчас же, что речь идет об элитарном радикализме, а подходя к вопросу искренне и прямо, это было бы только полезно для нас! Что, например, может сделать община, признавая, что она ведет мещанский стиль жизни, чтобы попросить прощения у бедняков в год юбилея? Каким конкретным образом могло бы осуществиться это примирение?

В Приложении к нашему Уставу приведена заметка Дона Боско о “*пяти недостатках, которые следует избегать*”³⁶. Это конкретная мудрость, отнюдь не поверхностная, а рассмотренная с харизматической точки зрения; возможно, мы вначале сочли ее своего рода нотацией, а потом и вовсе забыли. На этих страницах Дон Боско указывает, каким образом мы, салезианцы, должны рассуждать: примирение – это прежде всего, умение пересмотреть собственный эгоизм, рассматривая вещи и проблемы, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни общины, проводя нашу миссию, в том, что мы входим в состав области и Конгрегации.

С таких же позиций можно рассматривать необходимый пересмотр жизни в сегодняшнем контексте, поскольку она понимается, как возвращение к Евангелию и к истокам нашего призвания, учитывая специфические элементы салезианского монашеского опыта, в которых мы чувствуем слабость: жива ли и достаточно ли выражена любовь к Христу, которая была в самом начале и должна оставаться в центре нашей посвященной жизни? Что сказать о нашем желании и попытке сделать упредительную систему современной для молодежи и ситуаций нашего времени? Не мыслится ли и не проводится ли салезианская миссия под знаком индивидуализма, робости, узости кругозора? Достаточно ли реальным и выразительным было братское общение, знак присутствия Господня и элемент примирения в окружающих условиях? Развивается ли передача нашей харизмы и духовности мирянам под знаком надежды, неотложной важности, благодати?

4. ТАИНСТВО ПРИМИРЕНИЯ

Все вышесказанное выражается и реализуется для нас лично, для общины христиан и для всего мира в таинстве покаяния. Это то событие спасения, которое, благодаря бесконечной любви Божьей, стало доступным для всех. Появившись из сердца Христова в полноте Пасхи, оно заставляет желать примирения, прощения, возможности преобразиться, став детьми Божьими силой Духа, и осуществляет все это.

Именно это служение или миссию Иисус поручил Церкви в самой ясной и торжественной форме: “Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся”³⁷.

В день Воскресения ученики собрались на вечерю, и Иисус показывает им знаки Своей смерти и воскресения.

Апостол Павел в одном из своих отрывков осветил связь Бога-Христа с нами; этот отрывок не нуждается в комментариях: “Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое. Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения; потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения”³⁸.

В миссии Церкви и в нашем личном христианском опыте примирение имеет существенное значение, поскольку дает возможность возникновения нового человечества. Церковь принимает, проповедует, предлагает, осуществляет его во всей полноте его значения: личной, в общине верующих, в мире; с Богом, между людьми, с окружающей действительностью, историей и событиями, дабы Дух обновил все сущее. Она предлагает примирение различными путями: через Слово, молитву, любовь, покаяние, Евхаристию; а также предлагая принять страдания.

Она осуществляет его в соответствии с его таинственной природой, посредством видимого человеческого знака, который через веру связывает нас со спасительной благодатью. В течение долгих веков Церковь выработала четкие условия, с тем, чтобы примирение привело нас к истинной встрече с Богом и благодать проникла в самые потаенные уголки человеческой души и общины.

Знак эффективен еще и потому, что он имеет воспитательное значение: поскольку он предполагает свободу человека и воспитывает ее. Это важно, поскольку благодаря этому примечанию идея таинства объясняется, не как очистительный обряд, но как событие – “человеческая” встреча Бога с человеком в общине; в этой встрече и Бог, и человек, и община участвуют серьезно и всецело: Бог предлагает прощение, человек искренне кается, община принимает его.

Думать обратное, то-есть, что Бог прощает без того, чтобы человек чувствовал необходимость осознать свой грех и покаяться, означает считать, что таинство действует автоматически (когда захочешь, нажми кнопку!) и что человеческая совесть в этом не участвует, так что практически примирение сводится к магическому обряду. Точно так же, если таинство представляло бы собою лишь покаяние человека, а не поступок и вмешательство Божье, оно свелось бы к простой церемонии, лишенной эффективности.

В первом случае Бога лишают Его всемогущества, поскольку Им пользуются в личных целях и тогда, когда нам это угодно; во втором Бога лишают любви, поскольку Он не участвует в нашей жизни. И в обоих случаях роль Церкви, которая должна выполнять посреднические функции, продолжать и воплощать тайну и служение Христовы, сводится к функциям “агентства религиозных услуг”.

Катезизация, и скорее даже, наше зрелое понимание таинственного примирения, должны принимать и совершать поступки, в которых признавалось бы намерение Божье и выражались бы намерения человеческие. В этом таинстве разрабатывается и решается в свете Слова Божьего трагический опыт крещеного – грех и вина.

Путь переоценки

Я не буду останавливаться на том, какие усилия прилагает Церковь для того, чтобы истинно и полностью сохранить все элементы, входящие в таинственный “знак”, чтобы не оказывать на человека отрицательный воспитательный эффект излишними льготами, и чтобы прояснить, какие богословские, исторические и человеческие аспекты подразумевает примирение.

Таинственный знак становится понятнее в контексте общины Семьи Божьей, как страдания, происходящие в сыновних отношениях с Богом, как испытание совести, когда мы берем на себя ответственность в свете Слова Божьего в связи с тем злом, которое скрывается в нас, а так же и с тем, которое, вследствие нашего попустительства, разрастается в мире. Он предполагает также и намерение “обратиться” к Евангелию и трудиться ради человечества по сердцу Отцову там, где это будет возможным для нашей жизни и для нашего духа. Это “покаяние”, которое рассматривают, как определенное поведение и жизненный путь, когда от таинства переходят к жизни и наоборот, желая повторять ежедневные поступки любви, как евангельскую бдительность и участие в общении святых.

Я не стану останавливаться также для того, чтобы проанализировать обычные причины, которые приводят к определенному охлаждению к этому таинству: заметить их будет нетрудно. Вспомним о том, как ослабели наши отношения с Богом, о том, сколь замутилось чувство греха и

о том, как трудно признать посредничество Церкви. Вспомним о том, что мы пренебрегаем духовной жизнью, начиная с молитвы и о индивидуализме совести, благодаря чему нам хотелось бы самим осуществлять оценки своей вины и угрызений совести. Вспомним, сколь недостаточной бывает катехизация и сколь многие священники уклоняются от этого вида служения.

Я не стану также рассматривать причину, часто приводящуюся монашествующими и лицами, участвующими в пастырской деятельности по поводу того, сколь неправильно проходит личная исповедь сегодняшнего человека, если в ней есть только общее указание своих грехов. Я уверен, что вы, как воспитатели и пастыри, уже привели все богословские и педагогические причины составляющих таинственного знака, и что вы готовы серьезно предложить все эти мотивировки молодежи и взрослым.

Приведу лишь некоторые размышления и постараюсь обзреть все вместе.

Если Пасха – это исход Страстей, то следует признать, что наше сердце не только прекрасно, то-есть, предстает, как вместилище надежд и возможностей, или что оно является ограниченным и хрупким, но что оно также греховно; и что “спасти” его, очистить его³⁹ весьма нелегко.

В христианской вере не существует понятия некоего неопределенно благого Бога и некоего неопределенно нестойкого или ограниченного человека. Существует понятие Бога, Который так возлюбил нас, что отдал за нас всю кровь, и человека, вина которого столь тяжка, что спасение становится непосильным бременем.

Зрелый духовный опыт и хорошая евангелизация не должны привести к тому, чтобы пасхальная тайна оказалась размытой в некоем всеобщем “желании” спасения; они должны напомнить, что речь идет о желании принести спасение через крестные страдания. В жизни Христа существует глубинная связь между воплощением и страстями, между понятием “стал человеком” и понятием “пострадал, умер и был погребен”. Точно так же и на человеческом пути существует тесная связь между искуплением и обожествлением, между тем, что мы искуплены и освобождены и стали детьми Божьими.

Преодолевая определенное мировоззрение и чрезмерную фиксированность катехизации на грехе, не следует устранять “воспоминание” о том, что для того, чтобы прощение стало возможным, понадобилась смерть Иисуса⁴⁰. Таинство вводит нас в самое средоточие этой действительности и освобождает нас от легкомыслия и религиозного потребительства.

Добавлю еще одно соображение. Как известно из истории культур, от зла и от греха невозможно освободиться самостоятельно. Испытываемое нами презрение к себе самим, осознание нашей вины, уравновешенное или избыточное чувство греха, сами по себе нельзя назвать путями выхода из зла. Эти симптомы лишь указывают на наличие травмы. Еще проблематичнее вопрос, можно ли признать себя истинными грешниками и при этом не осудить себя. Своими силами человек не в состоянии найти ответ на этот вопрос. Святость Божия и человеческая греховность – это две непроницаемые пропасти. Если кто-либо радикально осуждает себя, он может придти к скептицизму или к отчаянию. Если же этот человек осуждает Бога или пренебрегает Им, то он теряет какую бы то ни было надежду на спасение. По поводу этой дилеммы сегодня написано немало книг.

С другой стороны, если бы истинное прощение было обеспечено, то человек своими силами никогда не поймет его: в этом заключается самая большая проблема всех культур и всех религий. Причина этого проста: если в грехе человек одновременно является и виновником, и судьей, то он не может сам даровать себе прощение.

Иначе говоря, прощение должно “произойти”: оно должно стать событием, а не вытекать из неких принципов, сокрушенного покаяния или являться постулатом нашего желания. Значит, оно либо происходит, либо его вовсе нет; оно может быть даровано, в противном случае, претендовать на него невозможно.

Из этого следуют два следствия. Первое – в том, чтобы мы придали “христианскому” прощению и выражающему его таинству подобающее ему значение, как светящегося момента во всеобщем религиозном опыте. Религии отличаются тем, что порой не сразу высказывают свое суждение по поводу какой-либо вины; и это доказывает их интеллектуальную и моральную честность. В этом смысле самую четкую позицию занимает иудейская религия. В псалмах мы как бы чувствуем горький вздох человека, который знает, что он виноват пред Богом, покался и верит в Его милосердие. Однако лишь в исключительных случаях из уст пророков мы слышим ответ, в котором ясно звучит прощение⁴¹.

Именно в этом пункте христианство оказывается интересным для всех, поскольку в нем возмещается возможность освобождения, предложенная Богом, и которая, вместе с тем, достойна

человека. Христианское спасение – это не какой-либо “указ” об амнистии, а событие Сына Божьего, ибо на кресте Он предстает, как *Невинный* (знак того, сколь велико зло, приносимое злом), и как *Винный* (ибо ныне Он “Проклят”, Его осуждает Бог⁴²); Он *Судия*, (ибо Его смертью Дух “обличит мир о грехе”⁴³), и *Судия в удивительной форме Искупителя*: осуждение поражает Его, а не нас, Он стал “жертвою за грех”⁴⁴ вместо нас! Таким образом, Он не отпускает грех, а “берет на Себя”, искореняет грех во всем мире.

Второе следствие касается того, что таинство требует личного внимания, требует, чтобы мы включили его в стиль, путь или попытку жизни во Христе. Освобождение, искоренение греха не происходят просто по указу Божьему. Если Бог внутренне не убедил нас в важности блага, то можно было бы установить лишь полицейского толка миропорядок, но то не был бы мир любви. А Богу угоден лишь этот мир!

Поэтому таинственный знак приводит событие примирения в самое сокровенное святое святых человека. Понятно, но вместе с тем, и странно, что среди всего многообразия форм зла в мире мы сосредоточиваем внимание на неизбежных (болезнях, землетрясениях, войнах, бедствиях, за которые мы не несем непосредственной ответственности...). Симтоматично, что в конце концов, это внимание у многих превращается в подозрения и негодование по поводу действительной благодати и всемогущества Божьего. Почему нас не возмущает то зло, которое является следствием свободы, ибо его так легко избежать, и все же его не избегают? Достоин ли осуждать *до того*, как мы осознаем, что мы сами способствовали возникновению и умножению зла? Почему бы нам, ради человеческой и христианской честности, не осознать, что внутри нас происходит драма, то есть, тот факт, что мы испытываем благие и скверные желания, что в нас имеется противоречие, когда мы творим зло, которого не желаем, и не творим то добро, которое желаем, изобретая всевозможные “отговорки”?

Или, опять же с христианских позиций, почему бы вместо того, чтобы формулировать абстрактные вопросы, нам не взглянуть более внимательно на Откровение Иисуса, Который именем Отчим и в силу Духа совершил поступки освобождения от зла, и только их? И почему мы не заботимся о том, чтобы избегать зло и уменьшить его в братьях?

Таинство и салезианская духовность.

Неисчерпаема связь салезианцев с этой темой.

Это и духовный опыт Дона Боско, и тот факт, что таинство покаяния он ставил на центральное место в своей молодежной педагогике, и таинственный мир, в котором развивается вся салезианская духовность, и не в последнюю очередь, удивительная “история” Дона Боско – исповедника молодежи, которую мы призваны продолжить в наши дни.

Непрерывный опыт Дона Боско с первых отроческих лет, в период обучения в семинарии, и позже, как молодого священника, а затем и знаменитого человека, сжатым образом представлен доном Эудженио Чериа: “Дон Боско с самого юного возраста полюбил исповедь, и никакие изменения в его жизни не умерили в нем желание часто прибегать к ней... Будучи студентом в Кьери, он сразу же решил найти себе постоянного исповедника... Став священником в Турине, он каждую неделю исповедовался у блаженного Кафассо. Когда же тот умер, Дон Боско прибегнул к помощи одного благочестивого священника, своего бывшего соученика, и тот регулярно приходил в ризницу собора Девы Марии Помощницы Христиан, чтобы принять его исповедь, а затем сам исповедовался у Дона Боско.

Во время путешествий, когда исповедника не было поблизости, Дон Боско придерживался своего старого и дорогого ему обычая, обращаясь к какому-либо салезианцу или к другому священнику. Так, например, когда в 1867 году ему случилось задержаться на два месяца в Риме, он еженедельно исповедовался у отца Васко, иезуита, с которым он познакомился в Турине.

Поначалу его дети не решались принять у него исповедь, но он настаивал: “Ну же, – говорил он, – сделай же милость Дону Боско, дай ему исповедоваться”⁴⁵.

Разумеется, произошли большие перемены со времени Дона Боско до наших дней в направлении духовной жизни и проведения таинств. Однако было бы исторически легкомысленным полагать, что Дон Боско следовал лишь благочестивой привычке. Каждое его слово и наставление (а их немало!) проявляют чувство животворящей встречи с Богом, которую предполагает примирение, убеждение в необходимом и плодотворном посредничестве Церкви, необходимость этого таинства для того, чтобы спокойно, радостно идти по пути к святости и постоянно развиваться.

Сегодня мы располагаем документированными исследованиями относительно того, сколь важным в воспитании молодежи Дон Боско считал таинство примирения. Это таинство органически включается в общий план человеческого и христианского развития⁴⁶. Нередко подчеркивалась постоянная катехизация Дона Боско по поводу примирения-исповеди, которую он проводил и словесно, и практически, организуя возможности и условия таким образом, чтобы молодежи захотелось прибегнуть к нему однажды, а впоследствии превратить это в постоянную привычку.

Дон Лемойн пишет: “Каждым своим словом Дон Боско предлагал исповедоваться”⁴⁷. Можно без труда заметить, что это выражение гиперболизировано. Однако все ясно видят, сколь часто, настойчиво и сколь разными способами Дон Боско излагает этот момент в проповедях, в напутствиях доброй ночи, в биографических очерках и рассказах, в книгах “молитв”⁴⁸ и рассказывая о свои снах.

Во всех трех образцовых биографиях (Доменико Савио, Микеле Магоне, Франческо Безукко) имеется главка, посвященная исповеди. В биографии Доменико Савио, которая написана первой из трех книг по времени (1859 год), увязываются два таинства: покаяние и Евхаристия⁴⁹. В биографии Микеле Магоне уже две главы, четвертая и пятая, одна из которых повествовательная, а другая носит воспитательную направленность, непосредственно обращенные к молодежи и воспитателям, посвящены только исповеди.

Дон Боско подает свою педагогику в форме биографии; таким образом, подросток старается преодолеть свое стремление ко злу, развивается его гуманность и через покаяние он направляется к Богу.

Один из исследователей, дон Альберто Кавилья, считает, что пятая глава биографии Микеле Магоне – одно из важнейших и интереснейших литературно-педагогических произведений Дона Боско, значительный документ его духовного руководства⁵⁰.

То, что Дон Боско оценивает важность покаяния в воспитании, более своеобразно, чем тот факт, что в своей катехизации он настойчиво упоминает о покаянии – примирении - исповеди. Оно не подменяет собою первый аспект, а уходит своими корнями в его “таинственную” природу действенного знака благодати. Церковь предлагает эту благодать в своем служении и ее нужно принять с верой. Это созвучно с идеей развития подростка, как сына Божьего, “гуманной” в лучшем смысле слова, которую следует постоянно соотносить с тайной, существующей в нашем сознании.

Покаяние пробуждает самосознание и понимание своего состояния, вводит в сферу святости и благодати, приводит в движение внутреннюю энергию строительства личности. Три знаменитые биографии учат нас, что благодаря ему осуществляется внутреннее развитие честного гражданина и доброго христианина, и это можно видеть в жизни.

Именно это воспитательное видение определяло своеобразную пастырскую деятельность: покаяние не сводилось к моменту обряда и не изолировалось. Его важной предпосылкой было умение создать предрасполагающую к нему обстановку, а также отношения дружбы и доверия с воспитателями, в особенности, с основным, директором. Существовала непрерывная связь между примирением в жизни и таинственным моментом. В оратории подросток чувствовал, что его принимают и относятся к нему с уважением, с доверием, как в семье; это побуждало его к общению и он мог развиваться. Такие отношения вызывали в нем потребность постоянно следить за собой. Именно такова история, которая приводится в биографии Микеле Магоне. Нередко подростки после дружеского разговора с Доном Боско во дворе шли исповедоваться.

Примирение, особенно чрезвычайное, происходило в праздничной атмосфере, в евангельском духе: евхаристическая литургия, после которой к столу подавали что-либо “особенное”, игры, музыка и театральные выступления сопровождали полученное прощение. Для подростков создавались благоприятные условия: выбиралось соответствующее время, место, люди.

Возможно, сегодня нужно не повторять буквально, что покаяние и Евхаристия – это основы воспитания, а обдумать и возобновить такую своеобразную педагогическую традицию.

Именно воспитательный опыт привел к тому, что Дон Боско стал поразительным исповедником молодежи: поразительным по количеству исповедовавшихся у него, по тому времени, которое он уделял этому, и по тому опыту, который он приобрел и выразил замечаниях, исполненных пастырского смысла; поразительным также и потому, что столь тонкая пастырская деятельность глубоко действовала на многих подростков, оставивших свое воспоминание об этом.

Существует фотография Дона Боско, известная во всем мире. Дон Боско исповедует подростков. Мальчик Паоло Альбера прижался головой к уху Дона Боско, как бы собираясь

исповедать грехи, а несколько клириков и множество подростков вокруг исповедальни ожидают своей очереди⁵¹.

Эта фотография неслучайна. Это одна из первых фотографий (1861 год); Дон Боско намеревался через нее выразить одну свою мысль, “как бы моральное завещание для его семьи. Она нравилась ему, и он пожелал увеличить ее”⁵². Это афиша, манифест, даже своего рода “реклама”. Потребовалось достаточно точно подготовить сценку, поскольку в те годы, когда фотограф скрывался под завесой, время выдержки было долгим. Позвали и расставили мальчиков, и до сих пор не забыто, что именно сказал Дон Боско маленькому Альбера, которого выбрали для покаяния. Образ, который лучше всего объясняет Дона Боско - когда он между подростками и исповедующимся.

Так практически воплощалось то, что говорил и писал Дон Боско: “Опыт показывает, что таинства исповеди и причащения – самая ценная опора для молодежи. Дайте мне подростка, который бы часто прибегал к этим таинствам, и вы увидите, как он развивается в юности, достигнет зрелости и, с Божьей помощью, доживет до глубокой старости, оставаясь примером для всех своих знакомых. Нужно, чтобы мальчики поняли этот принцип, и тогда они будут поступать таким образом; и те, кто занимается их воспитанием, также должны понять и внушать его”⁵³.

Фотография имеет еще одну интересную особенность: кажется, что пространство в ней открыто в направлении группы подростков. Именно благодаря воспитательно-сыновней концепции Дон Боско не проявлял ни малейшей жесткости относительно места и порядка обряда. Он исповедовал во дворе, исповедовал в гостиной; случалось ему исповедовать и в карете, и в поезде. Сегодня подчеркивают общинные и обрядовые знаки этого таинства службой, с тем, чтобы оно дошло до чувства, воображения, совести; нельзя не заметить того, что сущность действия объединяется с попыткой приобщить к нему, вводя его в молодежно-воспитательный контекст. Именно в этом контексте возросло количество салезианцев - исповедников молодежи, которые имели такое большое влияние на рост призваний среди юношей и девушек.

Примирившиеся и служители примирения.

Я намеренно представил выше и личный опыт примирения Дона Боско, и его воспитательно - пастырский опыт. Как он мог бы понять, что именно означает для подростка душевное примирение, если бы он сам никогда не чувствовал в нем необходимость? И как он мог бы воспроизвести отцовскую готовность принять, которую проявляет Бог, если бы он сам не почувствовал и не испытал ее? Как мог бы он так глубоко верить в то, что это таинство столь важно для пути развития и святости, если бы не был непосредственным свидетелем этого? Откуда иначе он мог бы почерпнуть понимание, умение ждать, побуждать и развивать идею важности причащения для своей Семьи и своих помощников?

Кажется, что сам апостол Павел объединяет эти два аспекта, когда повторяет: “Бог Иисусом Христом примирил нас с Собою и дал нам служение примирения”⁵⁴.

Личная благодать и служение! Примирение – это не только изредка осуществляющееся “благочестивое деяние”, или священническое служение, а новый взгляд, в соответствии с которым вся жизнь проходит под его знаком. Именно это предлагал Иисус, когда говорил: “Покайтесь”. В таинстве оно выражается действительно, поскольку, так же, как и крещение, соединяет нас со смертью и Воскресением Христовыми, и в нем участвует вся Церковь.

Это имеет смысл и для нас. Благодаря благодати единства личный опыт примирения и педагогическая и пастырская деятельность укрепляют друг друга. Примирившись, мы становимся творцами и посредниками примирения.

Поэтому в Уставе, нашем плане духовности, говоря о нашей миссии, утверждается, что “Вместе с молодежью мы переживаем встречу со Христом, слушая Слово, в молитве и в таинствах”⁵⁵. “Вместе” означает, разумеется, материальные условия времени и места, но еще более – направленность жизни, переживаемой в свете Евангелия и нашего посвящения.

В этом смысле вся жизнь рассматривается, как путь “постоянного обращения”⁵⁶, объединяющий многие аспекты, например, то, что мы ежедневно с великодушием возобновляем нашу миссию, бдительность, взаимопрощение, умение принять повседневный крест⁵⁷, молитву и моменты проверки⁵⁸, и таинство становится его вершиной и завершением: “Это таинство, к которому мы часто приступаем, следуя указаниям Церкви, дает нам радость Отчего прощения, воссоздает братскую общность и очищает апостольские намерения”⁵⁹.

Из этого нашего зрелого постоянного опыта мы черпаем желание и силы, для того, чтобы создать примиряющую воспитательную атмосферу, и помогать молодежи найти ту существенно

важную точку единства, которой требует её жизнь. Из него вытекает также и умение найти и пути примирения в многосторонней конфликтности нашего контекста и нашего мира, и пойти по ним.

Что же касается таинства покаяния в молодежном лагере и в христианской общине, сегодня мы наблюдаем явление, имеющее три аспекта: первый – многие оставляют это таинство; второй – некоторые делают это наспех; третий, положительный – некоторые, и это небольшая группа, стремящаяся к высокой духовности, пытаются найти духовного руководителя.

Ответ на эти разнообразные явления заключается в том, чтобы пройти с большинством такой путь воспитания, который бы шел от умения принять к возведению отцовской доброты Божьей, дать понять, что Он желает, чтобы мы были Его сыновьями. Второй группе следует помочь, посредством соответствующих воспитательных предложений, подкрепить их несовершенное усилие. Для тех же, кто сознательно предпринял путь духовной жизни, мы должны стать умелыми и готовыми помочь служителями примирения.

Всегда и во всех случаях мы должны заботиться о том, чтобы ввести молодежь в сферу благодати, в которой присутствуют мотивировки, богослужения, опыт. Ее горизонтом является таинство Евхаристии. Это действенное воспоминание и живой источник вечного примирения, творимого на Кресте. Она приводит к примирению и в то же время, увенчивает его и выражает его наилучшим образом, поскольку, соединяя нас со Христом, вводит нас в троичное единство Божье и в церковное братское единство.

Заключение: переступить порог⁶⁰.

В ночь с 24 на 25 декабря в Рождество 2000 года нам предложат войти в святые врата: “переступая их порог, Папа покажет Церкви и всему миру Святое Евангелие, источник жизни и надежды на третье тысячелетие”⁶¹. Это знак того, что Христос приходит к человечеству. Для нас же это станет знаком того, что нас приглашают войти в новый мир, чтобы наша жизнь включалась в атмосферу, освещенную любовью Бога Отца, Сына и Духа Святого, характеризующуюся безусловным братством между всеми людьми, и отличающуюся умами и сердцами, открытыми надеждам и ожиданиям человечества, которые исполнятся через присутствие Христа в мире, через большую восприимчивость к голосам молодежи и большую готовность удовлетворить их потребности.

“Войти в эту дверь значит исповедовать, что Иисус Христос – Господь и укрепить веру в Него для того, чтобы жить новой жизнью, дарованной нам Им. Это решение предполагает свободу выбора и мужественный отказ от чего-либо...”⁶².

В надежде, что мы все, в духовном единстве, встретимся и войдем в эти “врата”, вводящие нас в полноту времени, которая есть Христос, искренне приветствую вас и уделяю вам благословение Девы Марии Помощницы Христиан.

Хуан Векки

¹ см. 2 Кор 5, 18

² Incarnationis Mysterium, 11

³ Incarnationis Mysterium, 4

⁴ см. Откр.13, 8

⁵ см. Кол. 2, 9

⁶ 2 Кор 1, 4

⁷ см. Мф 25

⁸ Откр.21,4

⁹ см.2 Кор. 5, 18

¹⁰ см. Еф.2,14

¹¹ 2Кор.5,18

¹² см. Лк 5,27

¹³ см. Лк 19,5

¹⁴ см. Лк 7, 49

¹⁵ см. Ин 8,10

¹⁶ см. Лк 5, 20

¹⁷ см. Лк 22, 61

¹⁸ Пс 108/107

¹⁹ Пс 102/103

²⁰ см. Уст. 20

²¹ Уст. 11

²² Тит 3,4 (Вульг.)

- ²³ Рим 5, 8
²⁴ см. Уст. 65
²⁶ *Riconciliatio et Penitentia*, 18
²⁷ Мк 1, 15
²⁸ 2 Кор 5, 20
²⁹ Мф 6, 13
³⁰ Быт 3, 5
³¹ см. Быт 3, 15
³² Ин 6, 28-38
³³ Лк 15, 31
³⁴ Лк 15, 20
³⁵ Лк 15, 28
³⁶ Устав, Приложение, стр. 234-235
³⁷ Ин 20, 20-22
³⁸ 2 Кор 5, 17-19
³⁹ см. Пс 50/51
⁴⁰ см. 1 Петр 2, 24-25
⁴¹ см. 2 Царств 12, 13
⁴² см. Исайя 52-53
⁴³ см. Ин 16, 8
⁴⁴ см 2 Кор 5, 21
⁴⁵ CERIA E., *Don Bosco con Dio*, стр. 162-163.
⁴⁶ см. BRAIDO P., *Il Sistema preventivo di Don Bosco*, PAS Verlag 1964, часть III, гл. III, стр. 274-285; SCHEPENS J., *Penitence et Eucharistie dans la methode educative et pastorale de Don Bosco*, Рим 1986)
⁴⁷ Текст приведен по CERIA E., *Don Bosco con Dio*, стр. 164.
⁴⁸ См. *Благоразумный юноша*.
⁴⁹ см. Боско Дж., *Жизнь отрока Доменико Савио*, гл. XIV.
⁵⁰ см. CAVIGLIA A., Magone Michele, стр. 461.
⁵¹ см. SOLDA G., *Don Bosco nella fotografia dell'800*, стр. 84-89.
⁵² см. там же
⁵³ Bosco G., *Vita del giovinetto Savio Domenico*, стр. XIV.
⁵⁴ 2 Кор 5, 18
⁵⁵ Уст. 36
⁵⁶ Уст. 90
⁵⁷ см. там же
⁵⁸ см. Уст. 91
⁵⁹ Уст. 90
⁶⁰ см *Incarnationis Mysterium*, 8
⁶¹ там же
⁶² там же

САЛЕЗИАНСКИЕ ТОРЖЕСТВА ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА 2000

Дон Джузеппе НИКОЛУССИ
советник по делам формирования

Ниже приводится текст сообщения, переданного Генеральным Советником по формированию от имени Генерального Настоятеля областным настоятелям в конце июля (прот. 99/1261). В нем даются некоторые примерные указания относительно празднования Юбилея салезианцами, в частности, относительно того “общинного момента празднования”, который Генеральный Настоятель представил в №367 Документов Генерального Совета (см. ДГС №367, стр. 39). В этих указаниях, где собраны также плоды размышлений Генерального Совета, даются конкретные предложения пути общинного празднования, и некоторые этапы, подчеркивающие значительные моменты юбилейного года, которые могут помочь общине пройти этот путь примирения, представляющий собою суть Юбилея, и представляющий Девиз на 2000 год и тему письма Генерального Настоятеля, опубликованного в этом номере ДГС.

Несколько месяцев назад Генеральный Настоятель, давая информацию в Документах Генерального Совета, коснулся “Салезианских Торжеств Юбилейного Года”, указывая на основные критерии и оповещая о некоторых салезианских инициативах на мировом уровне. (DRG 367, 35-37).

Настоящая информация имеет целью указать предложения общинных юбилейных празднеств, которые затронул Отец Генерал, а также процесс примирения, который предупреждает, чтобы они были взяты в программах отдельных Инспекторий и общин.

1. Празднование Юбилейного Года: салезианские торжества

Приглашение Отца Генерала, направленное к каждой салезианской общине, к молодежи, родителям и воспитателям касается, прежде всего, участия в христианских торжествах Юбилейного Года, который вводит нас в новое время благодати и обязанностей, организованных поместными церквями.

Салезианские Торжества не делают параллельных празднеств; желают быть только значительным дополнением в богатой программе событий, встреч, дат и празднеств на мировом и местном уровне.

В программе есть **четыре значительных салезианских события** на мировом уровне:

- * Всемирная встреча Салезианского Молодежного Движения или Форум 2000 (Колле Дон Боско 6-13 августа 2000 г.),
- * Встреча Генеральных Советов разных ветвей Салезианской Семьи (Рим 1-5 июня 2000 г.),
- * Чрезвычайная миссионерская экспедиция (Турин 11 ноября 2000 г.),
- * Юбилейные празднования в салезианских общинах, подготовленные процессом единения

2. Юбилейные празднества в общинах и процесс подготовки

Предложение Отца Генерала звучало так: “Мы решили организовать вместе со всеми Салезианцами, Инспекториями и Домами торжество, подобное тому отданию Марии в ’84 году и обновлению обетов, проведенному в ’88 году. Это может быть процесс обращения, соединенный с соответственно подготовленным богослужением. С этой целью будет проработана инструкция и вспомогательный материал для подготовки богослужения. Мы полностью отказались от чрезвычайных инициатив, чтобы не обременять Инспекторий дополнительно новыми заданиями. Общий Акт поможет нам совместно пережить это чрезвычайное обстоятельство – переход тысячелетия (DGR 367, 36 – 37).

Настоящее предложение, после его апробации Генеральным Советом, сосредоточится на юбилейных празднествах в местной общине и/или инспекториальной, а одновременно предложит программу подготовки общинных празднеств.

Акт общинный поможет Салезианцам пережить это чрезвычайное обстоятельство перехода тысячелетия. Процесс примирения позволит войти в Юбилей в салезианской перспективе, подчеркивая некоторые основные аспекты нашего духовного опыта, согласно с которым следует переживать благодать единения и войти в третье тысячелетие.

Речь идет о предложении, связанном с Юбилейным Годом, которое дополнит и предаст больше ценности некоторым событиям, запланированным ранее, таким, как молодежная встреча и миссионерская экспедиция, Девиз и письма Генерального Настоятеля; которое с легкостью можно включить в инспекториальный календарь и свободно реализовать; сохранено для Салезианцев или открыто для членов Салезианской Семьи и Общины пастырско-воспитательной. Предложены некоторые даты, которых не обязательно придерживаться, имея во внимании расхождение календарей и ситуаций, а также тот факт, что некоторые Инспектории уже подготовили собственную программу на 2000 год.

Процесс примирения может начаться 31 января, ознакомившись с Девизом на 2000 год: “Во имя Иисуса Христа, источника нашего покоя, пожалуйста, примиритесь”.

Следуют четыре этапа, включенные в значительные события Юбилейного Года:

* **первый этап** совпадает с периодом Великого Поста, временем единения и обращения; послание Генерального Настоятеля подает конкретные предложения (DRG 369);

* **второй этап** совпадает с окончанием Международного Евхаристического Конгресса (воскресение 25 июня), а также с торжеством Пресвятого Сердца Иисуса (пятница 30 июня); Евхаристия и Сердце Господа Иисуса, источник пример салезианского духа, становятся благодатью и призывом к единству в апостольском духе и запале “da mihi animas”; поможет нам в этом послание Генерального Настоятеля на тему Евхаристии;

* **третий этап** совпадает с празднованием XV Всемирного Дня Молодежи (15-20 августа), а также с всемирной встречей Салезианского Молодежного Движения или Форума 2000 (6-13 августа); позволим себе соединиться с молодежной миссией и нашей обязанностью быть духовными аниматорами

Салезианского Молодежного Движения;

* **четвертый этап** берет за начальный пункт Всемирный День Миссий (22 октября) и чрезвычайную миссионерскую экспедицию по поводу Юбилея (11 ноября 2000 г.), в 125-летие первой миссионерской экспедиции; позволим себе соединиться в миссионерском запале и апостольской отваге в разных культурных контекстах и вперед лицом разнообразных воззваний, которые новое тысячелетие ставит перед евангелизацией молодежи.

Позже будет проработан путеводитель или материал для проведения общинного акта, а также будет разослана небольшая помощь для подготовки разных этапов процесса примирения.

Другая помощь, более обширная, будет в нашем распоряжении в нужном моменте и может быть свободно и творчески оценена и использована, в зависимости от обстоятельств.

Особенным образом:

- на открытие празднеств в январе, торжество Дона Боско, можем использовать комментарий к Девизу на 2000 год;
- на двух первых моментах процесса примирения, будем иметь в распоряжении послание Генерального Настоятеля на тему “Единства” и “Евхаристии”;
- на двух следующих моментах можем получить помощь в подготовке Молодежного Форума 2000, а также для чрезвычайной миссионерской экспедиции.

Образ Врат и Доброго Пастыря могут служить основными образами, которые помогут нам.

3. Салезианские торжества по случаю Юбилея: Краткое описание предложений процесса примирения и празднования Юбилея в общинах.

3.1 Празднуем:

- * ИИСУСА ХРИСТА Воплощение – Искупление - Примирение
- * Приход тысячелетия: новое время, новое задание, новая Евангелизация
- * Юбилей: примирение – путь обращения и обновления

3.2 Материалы и помощь

- * Послания Генерального Настоятеля: - Примирение - Евхаристия
- * Девиз на 2000 год:
“От имени Христова, Который есть наш мир, просим: примиритесь”.
- * Помощь: - Форум 2000 - Миссионерская экспедиция

3.3 Процесс примирения и празднования Юбилея в салезианских общинах: предложение

НАЧАЛО

Январь, торжество Дона Боско

Ознакомление с Девизом на 2000 год и начало процесса примирения

ПРОЦЕСС ПРИМИРЕНИЯ

(1) Время: Период Великого Поста до Пасхи (23 апреля)

Тема: Единение – Покаяние... “Пожалуйста, примиритесь ...”
(Послание Генерального Настоятеля на тему Примирения)

(2) Время: *Июнь:* 25 – Евхаристический Конгресс; 30 – Сердца Иисуса

Тема: Сердце Иисуса – Евхаристия, образец и источник салезианского духа
- Соединиться с источником; апостольская глубина ...

Евхаристия: община оживает свои отношения с Богом и с „da mihi Animas”

(Послание Генерального Настоятеля на тему Евхаристии)

(3) Время: Август – Всемирный День Молодежи и всемирная встреча Салезианского Молодежного движения

Тема: Единение с молодежной миссией, Превещийной Системой..., „вместе”

(4) Время: Всемирный День Миссий (22.10) – чрезвычайная миссионерская экспедиция (11.11).

Тема: Соединиться в духе новой евангелизации и апостольской отваги на пороге третьего тысячелетия...

МОМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ

Время: *Декабрь* (лучше всего Торжество Непорочной)

Тема: Соединившись, входим со Христом и с Доном Боско в новое тысячелетие ...
благодать и обязательства ...

С сердечными приветствиями от Отца Генерала и Совета, а также с пожеланиями на это время благодати.

Дон Джузеппе Николусси
советник по делам формирования